

№ 15

август
1983

ISSN 0132-0742

СОВЕТСКИЙ ЭКРАН

ГЕОРГИЙ ЖЖЕНОВ,
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ

ОЛЬГА МАШНАЯ

«ЗЕМЛЯ»

ЗЛАТА АДАМОВСКА

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ:

«ПРАЗДНИК НАВСЕГДА»

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — один из крупнейших исследователей древнерусской литературы, автор и составитель многих книг о «Слове о полку Игореве», о культуре Древней Руси, о русском национальном характере, обычаях, традициях. За свои работы «История культуры Древней Руси» и «Поэтика древнерусской литературы» он был удостоен Государственных премий СССР. Велик его вклад в работу по изучению и охране исторических памятников.

Но сегодня тема беседы с Д. С. Лихачевым — искусство кино, его роль в процессе становления личности, в эстетическом и нравственном воспитании. Некоторые суждения академика о кинематографе, несомненно, дискуссионны, личностны, но, думается, они представляют интерес и для тех, кто придерживается иных точек зрения.

— Кино в моей жизни? Я ведь помню еще первые его шаги. Совсем маленьким мальчиком стал я заядлым любителем синематографа, как его тогда называли. Жили мы в то время на Офицерской улице в Петербурге, как раз напротив кинотеатра «Мираж», и ходили туда на все «перемены» (так называлась смена программы). По субботам мы собирались всей семьей, одевались, как на праздник... Киносеанс состоял из нескольких короткометражных лент: «видовая» или «научная» кинохроника, потом «феерия», одна или две «драмы» и, наконец, «комическая».

Хорошо помню содержание тех фильмов. Помню, как испугался, увидев идущий прямо на меня поезд. Интересно было наблюдать охоту в Африке. Лента «Гибель «Титаника»» буквально потрясла — это был документальный фильм, кинооператоры отправились с пароходом в первый его рейс и после трагедии с большим трудом вывезли отснятую пленку на спасательных шлюпках. Потом, встретившись с игровой картиной «100 дней Наполеона», я долго был уверен, что она тоже документальная, что показывают подлинную жизнь, подлинные события.

В этих простеньких, немудреных фильмах просматривались зачатки будущего киноискусства, чего мы, конечно, не осознавали. Некоторые фильмы были цветными (раскрашенными от руки), звуковыми, потому что сопровождался не только аккомпанементом на фортепиано, но и выкриками, выстрелами (их производили ударами палки). При всей своей примитивности они будили воображение, как бы даже воспитывали его.

Так, посмотрев картину «Дети капитана Гранта», я совсем иначе, образно, стал воспринимать другие романы Жюль Верна, воображать их героев, будто смотрю фильм. Кино познакомило меня с писателем, помогло полюбить его. А ведь Жюль Верн — это целый мир, чего только нет в его произведениях! Он давал людям моего поколения не только литературное, но и общее образование. Поэтому считаю столь важным то, что знакомство с литературой для многих людей, особенно юных, начинается с кинематографа.

— Порой оно, увы, на этом и кончается. Бывает ведь, что рассуждают так: я посмотрел фильм, все уже знаю, зачем читать?

— Что ж, бывает, что и знакомство с Пушкиным кое для кого начинается с оперы «Евгений Онегин» и на этом заканчивается. Мне искренне жаль этих

людей, так и не изведавших прелести и мудрости пушкинского стиха. Вместе с тем уверен, что если после фильма, созданного по литературному произведению, зритель не заинтересуется книгой, чтобы с нею сравнить увиденное, то это первое свидетельство того, что зрелище на него не подействовало, не разбудило воображение.

Думаю, мы еще не до конца осознаем роль кинематографа в нашем воспитании, в процессе познания мира. Сегодня естественно, что любой мальчишка знает, явственно представляет себе, какие деревья растут, скажем, в Индии, и зверей, бродящих по африканской саванне, и американские небоскребы. И все благодаря кинематографу, экрану. Дети, которые воспитывались иначе, в лучшем случае на иллюстрациях из журналов «Природа и люди» или «Вокруг света», таких широких и емких познаний о наших соседях по планете, о жизни не имели и иметь не могли.

— Но ведь современное киноискусство все же не только средство информации, но прежде всего человековедение...

— Во время моей юности успехом пользовались и так называемые психологические фильмы — с Верой Холодной, с Мозжухиным. Игра актеров там, собственно, выражала не чувства, а символы чувств. Если герой в отчаянии хватался за голову, значит, у него какие-то тяжелые переживания. Если он появлялся в обтрепанном пиджаке, согбенный, значит, он на грани жизненного краха. Не правда ли, смешно? И все же несовершенство немого кино оборачивалось достоинством: оно что-то недосказывало про человека на экране, зритель должен был многое довообразить сам.

Думаю, что искусство и не должно выходить за пределы необходимого, исчерпывать предмет изображения полностью. Слишком часто у нас в фильмах выговаривается решительно все, что можно, и даже чуточку больше. И делается немножко скучно.

Недавно смотрел я «Вокзал для двоих». О фильме спорят, добавляю в споры и свое суждение. Там есть прекрасные минуты. Но досидеть обе серии тяжело. Вот уже, кажется, и конец, ан нет, тебе еще что-то хотят договорить. Финальная сцена фильма хороша сама по себе, но она уже за пределами вокзала для двоих, это как бы другой сюжет, из другого фильма.

Как важно остановиться вовремя! Но не все режиссеры это умеют. А подобное происходит, по моему, от недоверия к зрителю: не поймет, мол. Кино много теряет, когда усердно втолковывает очевидное, то, что зритель уже давно понял.

— Как вы расцениваете роль кинематографа в воспитании вкуса?

— Важно прежде всего самовоспитание. Оно возможно только тогда, когда не отвергаешь с порога непонятое, непривычное, когда не закрываешь для себя возможность в непонятом разобраться... Когда я впервые увидел фильм Феллини «Восемь с половиной», то, признаюсь честно, ничего в нем не понял. Посмотрел еще раз — многое прояснилось.

Есть, конечно, вещи, понятные всем. «Король Лир» Козинцева, убежден, — это фильм для всех. При этом он остается для меня одним из лучших когда-либо виденных кинопроизведений.

А вообще-то, думаю, не стоит впадать в отчаяние оттого, что бывают плохие фильмы. Ведь в конце концов и в литературе не каждый писатель гений. Существует и «средняя» литература, без нее не было бы Толстого, Тургенева, Достоевского. Вершин в

степи не бывает. Чтобы вырос Эльбрус, нужно, чтобы вокруг него стоял разновысокий горный хребет.

Но вот если зритель не разбирается в том, что плохо, а что хорошо, тут есть причина для огорчений. Потому что тогда и у режиссеров нет стимула для роста. Поймите меня правильно, но зритель и режиссер — они ведь скованы одной цепью. Хороший зритель создает хороших режиссеров. И наоборот. Хотя, может быть, первое существенней.

Человек должен быть хорошо эстетически воспитан. Не могу представить себе, чтобы кто-то хорошо разбирался в кино, не разбираясь в живописи, музыке, литературе. Особенно литературе, ведь из всех искусств она ближе всего к кинематографу.

Одно лишь киноискусство не может воспитать человека. Это должны делать с ним вместе и литература, и театр, и семья, и школа.

Причем школа прежде всего. Знаю это по собственному опыту. Мне повезло в 20-е годы учиться у удивительного педагога — Леонида Владимировича Георга. Человек высочайшей культуры, он на уроках не только читал нам свои любимые произведения, но и пел для нас старинные былины и оперные арии, аккомпанируя себе на рояле. Увлеченные его любовью к литературе, мы, мальчишки, потом выискивали, где могли, названные им книги и штудировали их. Леониду Владимировичу я обязан своим интересом к древнерусской литературе.

С ним можно было поговорить, поспорить и на темы, далекие от учебной программы. И, конечно же, часто мы с ним делились своими впечатлениями о кино. В те годы на экране появился модный многосерийный фильм «Таинственная рука» — предок нынешних детективов. Посмотрев одну или две серии, Леонид Владимирович сумел довольно едко вышутить это наше увлечение, доказать, что подобные зрелища способны разбудить в душе человека не самые лучшие чувства и побуждения.

— Вы и по сей день так критически относитесь к детективному жанру?

— Без сомнения. Мне всегда казалось, что в этих произведениях — и в кино и в литературе — есть какая-то фальшь, нарочито созданный мир искусственных опасностей. Беда нынешних детективов даже не в том, что они чаще всего строятся по шаблону, что их сюжет не имеет никакого отношения к современным научным методам ведения следствия. Главное, думается, в том, что в них заключена только одна сторона в целом правильной идеи: человек, решившийся на преступление, должен знать, что его найдут, что возмездие неотвратимо. Это верно, конечно, но и недостаточно. Важно так вести воспитательную работу, так формировать души, чтобы у человека вообще не возникало помыслов преступить черту закона; он должен быть добр и честен сам по себе, как бы изначально, а не только из страха перед тем, что преступление будет раскрыто.

— Какие же из жанров кинематографа вам по душе?

— Люблю кинопутешествия, документальные фильмы, если они хорошо сделаны. Из игровых картин меня привлекают те, где затронуты сложные нравственные проблемы, воплощенные в неоднозначных человеческих характерах. Заставляющие думать, вызывающие сочувствие, не дающие простых, однозначных ответов. Так, например, оставили след в памяти ленты «Начало» и «Прошу слова» с Инной Чуриковой в главных ролях.

Я вообще считаю, что уже само имя актера должно давать знать о качестве фильма, в котором

он принимает участие. Увидел его на афише и знаешь: тебя ждет встреча с чем-то интересным, ибо этот исполнитель не станет играть дурную, бессмысленную, бессодержательную роль. Это, конечно, налагает на артиста большую ответственность: он не должен ронять себя, браться за что придется. Для меня примером такой взыскательности, самоуважения стали Ульянов, та же Чурикова, некоторые другие актеры и актрисы.

Каждый актер хочет быть любим зрителем, но ведь это чувство зиждется на доверии...

— Случалось ли вам соотносить увиденное на экране с собственными проблемами, исканиями?

— Многие фильмы, ситуации, затронувшие сердце, не оставившие равнодушным, конечно же, «примериваешь» на себя—таково вообще свойство зрительского восприятия. Без такого сопереживания, соучастия людей искусство мертво. Случается, выйдя из зала, и неделю и две ходишь под впечатлением увиденного.

Бывают же картины, оставляющие зарубку в памяти на годы. Я с благодарностью вспоминаю давнюю американскую ленту «Двенадцать рассерженных мужчин»—историю человека, который в борьбе за судьбу осуждаемого сумел один противостоять общему мнению, смог его переломить, восстановить справедливость. Подобная ситуация может ведь произойти в самых различных сферах жизни. Даже в таком, казалось бы, мирном и благородном деле, как охрана памятников культуры. Порой принимается решение о сносе или переделке какого-нибудь ветхого здания, мешающего новому строительству, и люди, еще недавно так рьяно отстаивавшие, утверждавшие его историческую ценность, опускают руки: «А что мы можем, это безнадежно, незачем больше копыя ломать»... Фильм еще раз доказал мне, что надо уметь до конца исполнять свой нравственный долг. И победить.

— Дмитрий Сергеевич, а как вы, историк, относитесь к фильмам, воссоздающим «преданья старины глубокой»?

— В целом, я считаю, дело это полезное, более того, необходимое. Отношение к прошлому формирует национальный облик народа. Ведь каждый человек—часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе память прошлого, он губит частицу своей личности.

Порой мы знаем историю очень отвлеченно, схематично—даты, формулировки. А ведь как интересны в ней разные на первый взгляд мелочи, говорящие о жизни наших предков—их быт, характер, судьбы конкретных людей. Кинематограф—искусство конкретное—может во многом дополнить наше образование.

Но лично я многие исторические фильмы смотрю с досадой, а то и просто предпочитаю не смотреть. Уже по декорациям, по одной-двум сценкам, случается, видишь, что тебе предлагают развесистую клюкву. Потому что многие режиссеры предпочитают снимать не историю, а свое представление о ней. И чаще всего шаблонное.

Конечно, большую помощь в этом деле могли бы оказать консультанты-специалисты. Но их положение на съемочной площадке, насколько я знаю, зачастую незавидно. Мне однажды довелось консультировать исторический фильм. Привезли меня в Новгород-Северский, показали декорации—роскошные, дорогие, но поражающие нищетой представлений о Древней Руси. Но изменить ничего уже было нельзя. Очень стыдно потом видеть свое имя в титрах...

Исторический фильм—это не только антураж, но и позиция автора, его личностная интерпретация прошлого, основанная на глубоких знаниях. Для меня идеалом такого проникновения в душу и суть истории является работа Г. Козинцева над произведениями Шекспира. Будучи в Англии, я не раз слышал, как наши советские «Гамлет» и «Король Лир» назывались лучшими, самыми точными, философски осмысленными версиями этих произведений. Такое признание многого стоит.

— И все-таки, Дмитрий Сергеевич, какую роль в вашей жизни играет кино?

— Как и в детстве, когда я ходил в кино по субботам, всегда предвкушаю встречу с новым фильмом как праздник. И рад, если не обманул в своих ожиданиях. Ведь хороший кинематограф всегда делает свою важную и нужную работу—воспитывает чувства, воображение, нравственность, расширяет горизонты познания мира и человека.